

В. В. Комиссаров

**ЖУРНАЛЫ ФАНТАСТИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» И «ИСКАТЕЛЬ»
КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ
СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ**

Предварительные замечания

Период хрущевской «оттепели» характеризуется оживлением общественной жизни в СССР, которое так или иначе затронуло все слои населения, и в особенной степени интеллигенцию. Деятели науки и культуры, инженерно-технические работники, иные группы интеллигенции достаточно активно проявляли себя в разных областях социальной жизни. К рубежу 1950—1960-х гг. относится открытие новых театров, оживление в литературе и в кинематографе, фейерверк достижений в науке и технике, которые вывели Советский Союз на лидирующие позиции в мире. Одним из проявлений «оттепели» в культуре стало быстрое развитие научно-фантастического искусства, получившее определение золотого века советской фантастики. После публикации в 1957 г. романа И. А. Ефремова «Туманность Андромеды» появляется плеяда молодых и не очень молодых авторов, работающих в научно-фантастическом жанре. В среде интеллигенции начинается формирование клубов любителей фантастики, к научной фантастике обращается советский кинематограф. Популярность жанра отмечается на достаточно высоком административном уровне. Например, секретарь ЦК ВЛКСМ Л. В. Карпинский говорил на открытии семинара молодых фантастов в мае 1961 г.: «Мы смотрели по библиотекам

© Комиссаров В. В., 2020

Комиссаров Владимир Вячеславович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры общеобразовательных дисциплин, Ивановская государственная сельскохозяйственная академия им. Д. К. Беляева, cosh-kin@mail.ru (Dr. Sc. (History), Docent, Professor at the Department of General Education Disciplines, Ivanovo State Agricultural Academy).

и установили, что пять лет тому назад по запросам молодежи на каждые 226 детективных произведений, детективно-приключенческих произведений 90 запросов приходилось на научно-фантастические произведения. Теперь, в частности, по библиотеке имени Ленина количество запросов колеблется так: на каждые 250 запросов на научно-фантастические произведения приходится около ста запросов на детективные произведения, т. е. научно-фантастическая литература за последнее время (это радостный процесс) вытесняет детектив»¹.

Следует заметить, что рост популярности жанра поставил вопрос о создании специализированного журнала фантастики. В западных странах журналы подобного рода получили наименование фэнзинов (от англ. *fantastic magazine* — журнал фантастики)². История фэнзинов началась в США в период между мировыми войнами. Первый журнал фантастики стал выходить в 1926 г., а на рубеже 1930—1940-х гг. начинается взрывной рост численности фэнзинов: в 1938 г. было 5 изданий, в 1939 г. — 13; в 1941 г. — 22³. В СССР потребность в специализированном журнале фантастики назрела в первое послереволюционное десятилетие. Во многом это было связано с тем, что в условиях нэповской экономики возникают кооперативные издания, ориентированные на публикацию коммерчески успешных произведений. На этой базе даже зарождается специфический жанр фантастико-приключенческих текстов, получивший полушутливое наименование «красный Пинкертон». В подавляющем большинстве произведения этого псевдожанра оказались откровенной халтурой и ныне совершенно забыты. Но среди них были жемчужины. Так, в стилистике «красного Пинкертона» созданы «Гиперболоид инженера Гарина» А. Толстого, некоторые романы А. Грина («Бегущая по волнам»), А. Беяева («Продавец воздуха», «Властелин мира», «Голова профессора Доуэля»). Именно в эпоху «красного Пинкертона» в Советской России активно издаются журналы, публикующие фантастические и приключенческие произведения: «Всемирный следопыт», «В мастерской природы», «Борьба миров», «30 дней»⁴. Но среди них так и не появился специализированный журнал фантастики. Свертывание

новой экономической политики подводит финальную черту под изданиями, жившими за счет «красного Пинкертона».

Наступление в конце 1950-х гг. золотого века советской фантастики вновь ставит вопрос о специализированном журнале. Но, как и в 1920-х гг., эта задача так и не была решена. Исследователь советской фантастики литературовед А. Ф. Бритиков сокрушался по этому поводу: «Наши издательства все еще недооценивают это острое идеологическое оружие. Между тем журнал фантастики объединил бы сильный отряд наших писателей-фантастов... журнал сократил бы издержки... Журнал мог бы сыграть немаловажную роль и в изучении научной фантастики»⁵. Автор данных строк в одной из своих прежних публикаций уже выражал несогласие с точкой зрения А. Ф. Бритикова. Появление специализированного журнала могло герметизировать аудиторию, привело бы к замыканию любителей фантастики. А в СССР научная фантастика стала тем жанром, который объединял самые широкие слои советских читателей, так как фантастические повести и рассказы публиковались в разнообразных литературных и популярных журналах. Схожую позицию высказал шведский писатель и исследователь фантастики Сэм Люндваль, который отмечал, что советские любители фантастики не нуждаются в специализированном издании, поскольку к их услугам большое количество разнообразных журналов⁶.

Тем не менее усилия по созданию специализированного журнала фантастики не пропали даром. В конце 1950-х гг. в СССР стали выходить два издания, сыгравшие заметную роль в развитии фантастического и приключенческого жанров. Речь идет об «Уральском следопыте» и «Искателе».

Постановка проблемы

Цель настоящей работы — изучение источникового потенциала журналов «Уральский следопыт» и «Искатель» применительно как к истории отечественной интеллигенции, так и другим аспектам развития советского общества. Следует уточнить, почему указанные издания рассматриваются в рамках общего анализа.

«Искатель» и «Уральский следопыт» появились почти одновременно на рубеже 1950—1960-х гг. Их создание стало ответом на запрос читающей публики, прежде всего интеллигенции, на журналы фантастики и приключений. Этот запрос сформировался давно и первое время удовлетворялся существовавшими популярными изданиями «Вокруг света», «Знание — сила» и «Техника — молодежи». Однако в период «оттепели» активизировались не только читатели, но и авторы. Как уже отмечалось, возникла плеяда новых молодых авторов, писавших в жанре научной фантастики и быстро нашедших своих почитателей. Эта тенденция и была учтена комсомольским и административным руководством, без которого появление подцензурного издания в СССР было бы невозможно. Таким образом, журналы создавались в одинаковых общественно-политических условиях. Даже в их названиях присутствует определенное сходство («следопыт» и «искатель»), вытекающее из общей романтической эстетики периода хрущевской «оттепели».

В этот период возникли и другие популярные журналы. Так, с 1956 г. выходит «Юный техник». Он изначально создавался как универсальный научно-популярный журнал, печатавший в числе прочего фантастику и приключения. Однако издание было ориентировано на определенную возрастную группу читателей — младших и средних школьников. Это обусловило специфическую форму подачи материала, и по данной причине журнал остается за пределами нашего анализа.

В начале 1960-х гг. появился альманах «Юный моделист-конструктор». После выхода 13 выпусков в 1966 г. он был преобразован в ежемесячный журнал «Моделист-конструктор». Но это издание предназначалось для конкретной аудитории, в нем принципиально не публиковали беллетристику — приключения и фантастику.

С середины 1960-х гг. издавалась «Химия и жизнь». И хотя журнал создавался как отраслевой, его появление совпало с началом так называемой косыгинской экономической реформы. Один из хозяйственных экспериментов реформаторов проводился во второй половине 1960-х гг. на Щекинском химкомбинате в Тульской области и освещался в журнале. Появление на страницах «Химии и жизни» материалов по либеральной

экономической реформе придает изданию соответствующую репутацию. Редакция активно публиковала научную фантастику, научно-популярные материалы. Без преувеличения, во второй половине 1970-х гг. «Химия и жизнь» стала центром прогрессивной научной фантастики, в ней печатались такие опальные авторы, как братья Стругацкие или Станислав Лем. Но это издание по формальным признакам уже выходит за хронологические рамки периода «оттепели». Кроме того, оно носит выраженный отраслевой характер (хотя и считается научно-популярным), что не позволяет поставить его в один ряд с «Искателем» и «Уральским следопытом».

Учреждение новых фантастико-приключенческих изданий в СССР на рубеже 1950—1960-х гг.

Журнал «Уральский следопыт» имел давнюю предысторию. Это было не первое уральское издание подобного рода. В 1932—1941 гг. в Свердловске выходил журнал «Техника — смене». На его страницах печатались в основном футуристические очерки о науке и технике недалекого будущего. Но вместе с тем это издание уделяло внимание фантастико-приключенческим произведениям. В 1938 г. на его страницах увидел свет рассказ Р. Онцевера «Короткое замыкание» о беспроводной передаче электроэнергии, а в 1941 г., накануне Великой Отечественной войны, появилась повесть Б. Рябилина «Подарок Будды» о военном применении радиоактивности⁷.

В 1935 г. в Свердловске была предпринята первая попытка издания журнала «Уральский следопыт». Инициатором его создания, организатором и первым редактором стал В. А. Попов. До 1917 г. он был сотрудником известного издателя И. Д. Сытина и специализировался на приключенческой и фантастической литературе, в частности, подготовил к печати собрания сочинений Эдгара По, Майн Рида, Генриха Сенкевича, Виктора Гюго, редактировал «Вокруг света». В период нэпа В. А. Попов работал в популярном в 1920-х гг. журнале «Всемирный следопыт». И «Уральский следопыт» задумывался им как популярное региональное издание с большой долей приключенческих и фантастических публикаций. Новый журнал просуществовал недолго, после выхода нескольких номеров

в том же 1935 г. издание «Уральского следопыта» было прекращено. Таким образом, через личность В. А. Попова в истории журнала проявилась преемственность традиций — от эпохи «красного Пинкертон» к золотому веку советской фантастики.

Только после XX съезда КПСС возникли политические предпосылки для возрождения журнала. Первый номер нового «Уральского следопыта» вышел в свет в апреле 1958 г. Конечно, в конце 1950-х гг. это был уже иной журнал, воплотивший ожидания читателей периода «оттепели». Не следует забывать, что к тому времени на Урале концентрировались объекты военной промышленности, центры оборонной и мирной науки. Этому в немалой степени способствовала Великая Отечественная война, в годы которой неукротимый маховик эвакуации забросил на Урал гиганты индустрии, затем советский атомный проект привел к появлению в регионе новых наукоемких производств. Уральская интеллигенция становится заметным региональным отрядом советской интеллигенции. Она и явилась главным потребителем нового журнала. «Уральский следопыт» создавался как областное издание, но сразу же неофициально приобрел региональный, а затем и республиканский статус. Спустя несколько лет он получил общесоюзную известность. В юбилейном сборнике, выпущенном к 20-летию журнала, отмечалось: «Основные подписчики журнала — уральцы, сибиряки, дальневосточники. Значительно меньше экземпляров достается жителям европейской части Союза. “Охотятся” за журналом и в республиках, особенно в Казахстане и на Украине»⁸.

Другое издание, появившееся в период «оттепели», — «Искатель» — впервые увидело свет в 1961 г. Оно создавалось как литературное приложение к журналу «Вокруг света» («Искатель» обрел самостоятельность только в 1996 г.). Подготовительная организационная работа проходила в рамках отделов ЦК ВЛКСМ, заметную роль в создании «Искателя» сыграл уже упоминавшийся секретарь ЦК комсомола Л. В. Карпинский. Облик нового издания определился не сразу. 20 мая 1960 г. секретариат ЦК ВЛКСМ опубликовал постановление № 50, предусматривавшее издание неперiodического приложения к «Вокруг света» объемом в 10 печатных листов и тиражом в 200 тыс. экземпляров⁹. Буквально через месяц, 28 июня, выходит новое

постановление секретариата ЦК комсомола № 52. Здесь уже идет речь о периодическом издании, выпускаемом 6 раз в год. Объем сокращен до 5 листов, тираж установлен в 100 тыс. экземпляров. Цена одного экземпляра журнала определена в два рубля (в масштабе цен до 1961 г.). Этим же постановлением сформирована редколлегия, в которую вошли известные писатели-фантасты того времени А. П. Казанцев, И. А. Ефремов, В. С. Сапарин. Последний возглавлял журнал «Вокруг света». «Искатель» не имел самостоятельной редакции, для его издания в штате «Вокруг света» были предусмотрены должности старшего редактора с окладом 1600 руб. в месяц и литературного редактора с месячной зарплатой 1400 руб.¹⁰ Организация журнала потребовала немалых финансовых вливаний. Так, 19 октября 1960 г. ЦК ВЛКСМ разрешил дополнительно израсходовать на нужды «Искателя» 7 тыс. руб., из них 5,5 тыс. на внешнее редактирование, рецензирование и переводы и 1,5 тыс. на массовую работу¹¹. Несмотря на участие в редколлегии маститых фантастов, «Искатель» так и не стал специализированным журналом, на его страницах научная фантастика соседствовала с приключенческой и детективной литературой. Тем не менее появление подобного издания не следует недооценивать. А. Ф. Бритиков отмечал: «Отпочковавшийся от журнала “Вокруг света” полуприключенческий “Искатель” не заменил, конечно, хорошо поставленного периодического издания научной фантастики, но само его возникновение свидетельствует, что фантастике тесно в приемьшах»¹².

Как и «Уральский следопыт», «Искатель» приобрел общесоюзную известность. Однако читатели продолжали жаловаться на недоступность журнала. Так, в начале 1980-х гг. некто С. В. Возов написал в газету «Правда» письмо, в котором отмечал отсутствие издания даже в библиотеках. Письмо центральный партийный орган печати перенаправил в редакцию «Вокруг света», откуда последовал ответ, подготовленный заведующим отделом «Искателя» В. Рыбиным, объяснявшим проблемы с тиражом нехваткой в стране бумаги¹³. Аналогичный вопрос о недоступности «Искателя» для массового читателя поднимался и в письме жителя Смоленской области А. Алибекова. В. Рыбин дал ему ответ, аналогичный предыдущему¹⁴.

Это при том, что тираж журнала в 1980-х гг. вырос с 250 до 300 тыс. экземпляров — по современным меркам совершенно фантастические показатели.

Содержательная сторона «Уральского следопыта» и «Искателя»

Между двумя анализируемыми изданиями существовало принципиальное различие. «Искатель» изначально создавался как литературное приложение, поэтому на его страницах мы не увидим научно-популярных, историко-публицистических материалов. «Уральский следопыт», напротив, возник как универсальное популярное издание. Журнал печатал много материалов по географии, краеведению, истории освоения Урала и Сибири, экологии и природоохранной деятельности. Тем не менее в каталоге «Союзпечати» за 1965 г. он отнесен к группе «комсомольско-молодежных» изданий¹⁵, что в определенной степени роднит его с «Искателем». Естественно, в те годы «Уральский следопыт» много внимания уделял политико-идеологическим моментам, в том числе связанным с воспитанием и профориентацией молодежи. В журнале действовали такие рубрики, как «Рассказы о профессиях», «Юноше, обдумывающему житье», «Найти себя», «Требуются специалисты». Следует заметить, что советским изданиям приходилось работать под плотной опекой цензуры, представленной широкой сетью край- и обллитов (краевых и областных управлений по охране гостайн в печати), руководимых Главлитом. Фактически было две внутривнутриполитические темы, в пределах которых в те годы допускались критические материалы: недостатки сферы услуг и природоохранная деятельность. Учитывая специфику журнала, необходимо сказать, что «Уральский следопыт» мог разрабатывать только последнюю проблему, чем активно пользовался. Так, почти два года (1969—1971) на его страницах существовала рубрика «Операция Ч», в рамках которой проводилась кампания по защите природы в бассейне реки Чусовой. Создателем рубрики был писатель-публицист Б. С. Рябинин. Итогом этой журнальной кампании стало обсуждение проблемы на коллегии Министерства мелиорации и водного хозяйства РСФСР. Это не значит, что экологические публикации были выведены за рамки

цензуры. Например, в 1976 г. в журнале напечатан историко-художественный очерк о деятельности Петра I по созданию и сохранению заповедных лесов в начале XVIII в.¹⁶ Этот очерк привлек наше внимание потому, что несколькими годами ранее, в 1972-м, материал аналогичного содержания пытался разместить центральный журнал «Знание — сила». Та публикация была остановлена Главлитом по причинам идеологического характера. По мнению цензоров, в публикации Петр I представлен не как жестокий и властный правитель, а как мудрый и выдающийся государственный деятель, способный стать образцом для потомков¹⁷. Подобный пафос в оценке личности императора сохранился и в уральской публикации. Этот эпизод, кроме прочего, свидетельствует о том, что контроль над региональными изданиями, осуществляемый местными органами цензуры, мог быть слабее, чем в центре.

Литературно-художественные рубрики «Уральского следопыта» были представлены многими известными именами. Еще в 1935 г. писатель-фантаст Александр Беляев создал по просьбе редактора В. А. Попова рассказ «Слепой полет», переизданием которого в 1958 г. сопровождалось возрождение журнала. На страницах «Уральского следопыта» начинал свою писательскую деятельность Владислав Крапивин, очень скоро ставший признанным мастером детской романтической и приключенческой повести. Аркадий Стругацкий под псевдонимом Ярославцев печатал в «Следопыте» свою «Экспедицию в преисподнюю».

«Искатель», как уже отмечалось, предназначался для художественных произведений. Каждый выпуск содержал два больших раздела: в первом публиковались приключенческие, детективные рассказы и повести, произведения на военно-патриотическую тему; второй раздел включал научно-фантастическую литературу. Впрочем, на страницах «Искателя» были материалы, основанные на реальных событиях. Так, одним из активных авторов журнала стал Валентин Аккуратов — знаменитый полярный штурман, участник высадки на полюс папанинцев в 1937 г. В 1960-е — начале 1970-х гг. в «Искателе» появилось пять беллетризованных очерков-воспоминаний В. Аккуратова о его северных приключениях. Конечно, в публикациях

того времени было много фактов умолчания, оставляющих современным интерпретаторам широкое поле для предположений. Например, в напечатанном в 1961 г. очерке «Спор о герое» штурман рассказывал о встрече советских летчиков с двумя столырами, шедшими пешком по полярному льду с Таймыра на Диксон (более 800 километров). События происходили в 1930—1940-х гг. И хотя В. Аккуратов отмечает, что они ушли с Таймыра из-за недовольства условиями найма (их заставили работать как плотников), определенные детали в рассказе позволяют усомниться в его правдивости: услышав звук летящего самолета, ходоки поначалу спрятались за торосами, и только убедившись, что это пилоты, вышли к ним. Кого они опасались? Действительно ли это были вольнонаемные работники? Или «беглые»? В. Аккуратов об этом умалчивает. Документальную канву, дополненную некоторым художественным вымыслом, имеет рассказ писателя-фантаста А. П. Казанцева «Посадка», увидевший свет в 1968 г. В нем повествуется об умелых действиях экипажа Ту-114 во время авиационного происшествия.

Следует заметить, что состав авторов «Искателя» тоже весьма представительен. Здесь мы видим прижизненного классика советского детектива Аркадия Адамова, Олега Куваева, писавшего о советских полярниках и геологах. Известный роман братьев Вайнеров «Визит к минотавру» также увидел свет на страницах журнала в 1971—1972 гг. В «Искателе» регулярно появлялась рубрика «Листая старые страницы», в которой перепечатывались произведения из старых журналов. В ее рамках повторно вышли малоизвестные рассказы А. Грина, А. Конан-Дойля, О. Генри, Р. Киплинга, Ж. Верна и других.

Не менее солидно выглядит состав авторов научно-фантастического раздела. Активно публиковалась зарубежная фантастика. С 1961 по 1972 г. в «Искателе» дважды печатали А. Азимова, шесть раз — Р. Брэдбери, пять раз — С. Лема, трижды — Р. Шекли. Широко представлена советская научная фантастика. Мы встречаем имена Г. Альтова, Д. Биленкина, С. Гансовского, Г. Гуревича, А. Днепровца, А. Казанцева, И. Росохватского и многих других.

При нашем анализе возникает соблазн провести прямую аналогию между списком авторов исследуемых журналов и их

популярностью у советской читающей аудитории 1960—1980-х гг. И отчасти такая аналогия будет уместна. Действительно, появление писателя на страницах «Уральского следопыта» или «Искателя» позволяло приобрести общесоюзную известность, получить мощный импульс для дальнейшего творческого развития. Но вместе с тем такой подход будет неоправданным упрощением. Обращает на себя внимание отсутствие среди авторов «Искателя» некоторых знаковых имен. Например, бесспорных лидеров советской фантастики изучаемого периода А. Н. и Б. Н. Стругацких, Кира Булычева (И. В. Можейко). На заре существования «Искателя» братья Стругацкие дважды появлялись в журнале: в 1962 г. была напечатана глава из «Стажеров», в 1964 г. — отрывок из повести «Понедельник начинается в субботу». То же касается и Кира Булычева: после дебюта в 1967 г. с рассказом «Когда вымерли динозавры» его имя исчезает со страниц журнала (причем в то время он был сотрудником редакции «Вокруг света») ¹⁸. Этот факт не мог пройти мимо внимания читателей. Так, в 1981 г. в редакцию пришло письмо студентов Московского автомобильно-дорожного института Е. Л. Матусова и М. С. Соколовского, которые с явным сарказмом писали о засилье на страницах журнала одних и тех же авторов и об отсутствии произведений Стругацких и Кира Булычева ¹⁹. Ответ подписал лично главред «Вокруг света» А. Никонов, который объяснил проблему тем, что упомянутые писатели сами ничего не предлагают «Искателю» ²⁰. Но здесь главный редактор, вероятно, слукавил. С начала 1970-х гг. в советском творческом бомонде, включая научно-фантастический цех, наметился раскол на консервативную «русскую партию» и либеральное западническое крыло. Одним из организационных центров консервативного крыла советской интеллигенции стало издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», под эгидой которого печатались «Вокруг света» и «Искатель». Упомянутый А. Никонов до 1970 г. возглавлял журнал «Молодая гвардия», ставший рупором «русской партии». Он был снят с этой должности и перемещен на менее ответственное редакторство в географический журнал «Вокруг света» именно за ряд публикаций националистической направленности. В деятельности «русской партии» стали проявляться

среди прочего антисемитские настроения, что было одной из причин конфликта Стругацких (этнических евреев) с издательством «Молодая гвардия».

Следует особо отметить, что анализируемые журналы к 1980-м гг. стали олицетворять собой два противостоящих полюса советской фантастики. «Искатель», как отмечалось, являлся местом публикации авторов консервативной направленности, а их оппоненты группировались вокруг «Уральского следопыта». Именно редакция «Уральского следопыта» выступила с инициативой создания первой профессиональной литературной премии в области научной фантастики «Аэлита». Но уже первое награждение в 1981 г. стало результатом вынужденного компромисса. «Аэлиту» вручили братьям Стругацким и представителю консервативного крыла А. П. Казанцеву. Учитывая давние неприязненные отношения между старшим из братьев-писателей Аркадием и А. П. Казанцевым, организаторы премии опасались публичного скандала, который, однако, не случился во многом благодаря взаимному интеллигентскому такту писателей-оппонентов, решивших не омрачать праздник рядовым любителям фантастического жанра.

Впрочем, этот конфликт почти не затрагивал широкие круги читающей аудитории, даже не подозревавшей о столь напряженной ситуации среди советских фантастов.

Выводы

Журналы «Уральский следопыт» и «Искатель» стали важным фактором, определявшим мировоззрение советской читающей публики 1960—1980-х гг. Они занимали заметное место среди популярных и литературно-художественных изданий. Оба журнала возникли примерно в одно и то же время, в схожих общественных и морально-политических условиях «оттепели» и управляемой десталинизации. Это предопределило некоторое сходство изучаемых журналов как в содержательном плане, так и с точки зрения эстетики подачи материала. «Уральский следопыт» и «Искатель» на протяжении трех последних десятилетий истории СССР были изданиями, специализировавшимися на публикации научно-фантастических и приключенческих произведений, и пользовались огромной

читательской популярностью, особенно в среде интеллигенции. Относительно источниковой ценности анализируемых журналов можно отметить следующее.

Во-первых, «Уральский следопыт» и «Искатель» могут служить замечательными источниками по истории отечественной прессы, прежде всего популярных изданий, по изменению оформительской школы и способов подачи материала.

Во-вторых, «Уральский следопыт» способен дать информацию по развитию советской региональной журналистики, специализировавшейся преимущественно на краеведческой и экологической проблематике, вопросах воспитания и нравственного развития молодежи.

В-третьих, следует признать, что в свете интеллигентоведческих исследований источниковый потенциал журналов заметно лимитирован. Это связано с двумя факторами: цензурными ограничениями и идейным размежеванием советской интеллигенции. Не все проблемы, волновавшие советского читателя, могли быть поставлены в печати, а допущенные тексты заметно редактировались. Кроме того, присутствует определенная избирательность редакций в подборе авторов и разборчивость авторов в сотрудничестве с журналами. И исследовать эти вопросы можно только с привлечением дополнительной источниковой базы, так как в самих журналах они не освещались (даже во внутренних документах редакций).

В-четвертых, содержание журналов «Уральский следопыт» и «Искатель» позволяет сделать выводы о составе авторов фантастических и приключенческих произведений, об их сюжетной составляющей. Например, в советском детективе заметное место занимали произведения военно-патриотической тематики, когда авантюрный сюжет разворачивался на фоне событий Великой Отечественной или Гражданской войн. В этом случае, несомненно, присутствовал общественный или политический заказ. Просматривая «Искатель», исследователь может составить представление о тех зарубежных авторах, детективные и фантастические произведения которых допускались к советскому читателю и, следовательно, могли повлиять на общественные настроения.

В-пятых, публиковавшиеся в журналах приключенческие и фантастические произведения сами по себе могут использоваться в роли источников. Автор этих строк в своих прежних публикациях уже анализировал источниковую ценность научной фантастики²¹. Конечно, художественная литература, особенно в таких специфических жанрах, как детектив, приключения, фантастика, способна дать информацию по ограниченному кругу вопросов. Прежде всего это быт, нравы, общественные настроения. Например, произведения отдельных авторов вполне могут проиллюстрировать трансформацию настроений интеллигенции от романтизма «оттепели» к социальному пессимизму позднего застоя.

Примечания

¹ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2464. Оп. 3. Д. 777. Л. 10—11.

² Историк отечественной фантастики А. Н. Осипов определяет фэнзин исключительно как любительский журнал фантастики, отличающийся от профессиональных изданий, но с подобной точкой зрения сложно согласиться (см.: *Осипов А. Н.* Фантастика от А до Я. М., 1999. С. 318).

³ *Amis K.* *New Maps of Hell: a Survey of Science Fiction.* New York, 1960. P. 43, 48.

⁴ *Осипов А. Н.* Указ. соч. С. 197.

⁵ *Бритиков А. Ф.* Русский советский научно-фантастический роман. Л., 1970. С. 360.

⁶ *Lundwall S. J.* *Science Fiction: an Illustrated History.* London, 1978. P. 194.

⁷ *Бугров В. И.* 1000 ликов мечты. Свердловск, 1988. С. 213—217.

⁸ Тропы «Уральского следопыта». М., 1978. С. 4.

⁹ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. М-79. Оп. 1. Д. 4. Л. 4. Далее: РГАСПИ.

¹⁰ Там же. Л. 6.

¹¹ Там же. Л. 7.

¹² *Бритиков А. Ф.* Указ. соч. С. 269.

¹³ РГАСПИ. Ф. М-79. Оп. 1. Д. 48. Л. 10—13.

¹⁴ Там же. Л. 7—9.

- ¹⁵ Каталог газет и журналов (тематический): по состоянию на 19 мая 1965 г. М., 1965. С. 57.
- ¹⁶ *Благосклонов К.* «Суть плоды ума обширного...» // Уральский следопыт. 1976. № 11. Впоследствии очерк был переиздан в юбилейном сборнике к 20-летию «Уральского следопыта» (см.: Тропы «Уральского следопыта». С. 358—396).
- ¹⁷ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 1440. Л. 7—8.
- ¹⁸ *Булычев К.* Как стать фантастом: записки семидесятника. М., 2003. С. 255—257. По утверждению И. В. Можейко, обстоятельства появления рассказа носили трагикомический характер. Он был написан за одну ночь, чтобы не пропала цветная обложка с иллюстрацией к переводному рассказу, изъятому из номера цензурой.
- ¹⁹ РГАСПИ. Ф. М-79. Оп. 1. Д. 48. Л. 153—157.
- ²⁰ Там же. Л. 158.
- ²¹ *Комиссаров В. В.* К вопросу об источниковой ценности научно-фантастической литературы в контексте интеллигентоведческого исследования // Клио: журнал для ученых. 2008. № 1.